

ТЫ НУЖЕН ЛЮДЯМ

и любви» Шиллера, Фернандо в «Испанцах» М. Лермонтова, Дубровский, дядя Яков из «Алешин Пешкова», Стародум

— Стойте, гражданин! Документы, стало быть, предъявите, — лицо у встречного парнишки было строгое, неподкупное, маленькие голубые глаза впились цепко и настороженно.

— В чем дело, позвольте? — удивился пожилой человек, таким неожиданным способом выведенный из глубокой задумчивости.

— Нет, это вы позволите, — не унимался парень, не отпуская его рукава, — я уже три дня за вами слежу. И чего это все ходите по улицам, чего высматриваете? Короче, пошли в милицию, там разберутся!

— Ну что ж, пошли! — улыбнулся острым прищуром задержанный и бодро зашагал.

В милиции дело закончилось неожиданным výsledком:

— Ловко шпиона поймал, — подтрунивали над незадачливым пинкертонном работнике отделения. — Ты же Петра Ивановича Лаврова — артиста Иркутского ТЮЗа к нам привел!

— Да уж чего там, — парень виновато потупил глаза. — Больно любопытный гражданин.

Смеялись и в парткоме производственного управления, где мы встретились с Петром Ивановичем в ту командировку.

— Опять я наказан за свое любопытство, — сокрушался он.

— Как же вы здесь оказались? — удивилась я, зная, что собирался Лавров ехать совсем в другую сторону — в Мальтинский дом отдыха.

— Собирался-то собирался, да раздумал... Вот, махнул сюда, в Куйтун. Кое-какие делишки есть, — заторопился он и через минуту уже исчез из кабинета заместителя секретаря парткома Чуешовой.

А вечером в большом фойе Дворца культуры его уже окружила молодежь. Из дверей соседнего зала слышались соблазнительные звуки нового фильма, у некоторых в карманах отжидали свой век билеты на этот сеанс, но сердце ни у кого не дрогнуло, всем хотелось услышать, что думает об их творчестве артист из Иркутска — ведь он тоже променял спокойный отдых на столь хлопотливое дело. И все дни, пока я была в Куйтуне, только и слышала о Петре Ивановиче: то он в Доме пионеров встречался с ребятами, то учил самостоятельных коллег мастерству перевоплощения, то читал им пьесу. А узнав, что я еду в Барлуковский совхоз, досадовал:

— Как жаль, не успеваю. Ведь там раньше неплохая самостоятельность была. Ах, какие там люди!

Люди, люди, люди! Сколько их — хороших и плохих, но всегда разных и всегда интересных переживал он на своем веку, сколько разных характеров прошло за тридцать пять лет работы в театре через его мозг и сердце, сколько самых несходных персонажей вывел он на сцену! И все-таки, чем дальше идет жизнь, тем более жадно и ненасытно всматривается Петр Иванович в своего современника, тем больше открывает в нем нового, тем интересней показывает этого современника людям.

Вот снимок. На нем двое — шофер строительства Иркутской гидроэлектростанции и артист, который играет такого же рабочего в «Продолжении легенды» Кузнецова. До тонкости рассказывает о своем нелегком труде водитель МАЗа, по глазам видит: понятно это артисту и интересно.

И в самом деле, бывшему рабочему Петру Лаврову дорого и близко каждое слово собеседника и дело его, и его трудовая гордость. Нет, тридцать пять лет назад Петя Лавров не водил МАЗов и не строил гидроэлектростанций, в чем, признаться, чертовски завидует своему новому знакомому. Но и ему есть чем гордиться — в цех на шубном заводе, где он работал мастером, приезжали многие, чтобы посмотреть на труд одного из первых ударников.

— Как артист, прямо! — восхищались тогда зрители.

Не знали они, не знал и сам «артист», что слова эти пророческие. И потом, когда его пригласили в новый театр рабочей молодежи — ТРАМ, он по-прежнему считал себя рабочим больше, чем артистом. На заводе он научился многому: товариществу, ответственности за свой труд, там он стал коммунистом.

В первые годы существования театра «трамвайцы» днем все еще работали на своих заводах, а вечером овладевали любимым искусством, играли в спектаклях, встречались со зрителями и не было им ничего дороже, чем полный до краев зрительный зал, который долго не пустел и после окончания спектакля. Было и другое — гастроли по всем городам и весям от Красноярска до Тихого океана: к бойцам, охранявшим КВЖД, к шахтерам Черембасса (днем артисты работали в забоях, а вечером — шли на спектакль), в села (днем стояли на жатках, триере, комбайне, а вечером — в клуб, на спектакль, на репетиции самостоятельности).

Перебирая фотографии сыгранных в те годы ролей, Лавров ищет главное: достоверность, жизненную правду, неповторимость характеров.

Один за другим строго откладывается в сторону целая стопка снимков:

— Это неинтересно.

И бережно разглаживаются другие — здесь был поиск, здесь правда, подсмотренная в жизни, удачно переплавлявшаяся в правду искусства. Таких еще больше: Фердинанд в «Коварстве

в «Недоросли» Фонвизина, Карл Моор в «Разбойниках» Шиллера, Крылов в «Весне в Москве» Гусева, командир корабля в «Оптимистической трагедии» Вишневского, богач Галсан в «Чудесном кладе» Малияревского...

Каждый раз, когда идешь смотреть очередной спектакль ТЮЗа с участием Лаврова, всегда думаешь: какой внешний облик роли найдет этот неистощимый на выдумки человек, какие черточки будут ненавязчиво, но упорно и убедительно говорить о характере, о месте его героя в жизни? И неизменно артист не обманывает надежду. Даже тогда, когда спектакль в целом слаб или неверен. Даже тогда, когда и роль, казалось бы, ничем не блещет. Жизнь — богатая копилка красок, вдумчивый художник всегда извлечет из нее ту каплю живой воды, без которой немислимо истинное искусство.

Годы — дело опасное лишь для тех, у кого охладела душа и опустошился мозг. Тем же, у кого с годами не иссякает интерес к людям и растет жажда познать жизнь, — старость не страшна. Годы зрелости добавили Петру Ивановичу новые амплуа, новые неожиданные радости. Поражал какой-то драматической грустью по душевной чистоте и красоте человека, активным желанием сделать его лучше сказочник в «Третьем желании» В. Блажека. В слабом и пестром этом спектакле П. Лаврову удалось найти верное и свое зерно образа. А глупый царь Горох с его хитрыми повадками и жадной душой солидная доля успеха яркого и сочного, как лубок, спектакля «Сказ о Скоморохе и царе Горохе». И опять же, наверное, так было потому, что сердце артиста, как и в далекой молодости, одной половиной принадлежало театру, а другой тем, ради кого он существует, — людям.

...Старинное сибирское село Кимильтей. В страдную осеннюю пору людям не до сна. Немало хлопот и у заведующего фермой. Но как только в селе появился Петр Иванович Лавров, тот первый привел его в свой дом:

— Живи у меня. На репетициях ведь не до разговору. А дома, глядишь, и перекинемся словом о театре.

— Ишь, делать тебе нечего, чем занялся! — упрекала жена.

— А ты не ругайся, ты помогай, — увещевал ее муж.

И когда через пару недель в клубе состоялся первый концерт агитбригады, несговаривая супруга примолкла: искусство, которое привез и подарил им иркутский артист, и впрямь оказалось так же нужно, как хлеб и воздух.

Таежный Качуг. И опять с агитбригадой учителей, где в автобусе, а где, и на бензовозе, идет в села приленского «куста» Петр Иванович Лавров: проводит беседы об искусстве, собирает местный материал для выступлений, является негласным и общепризнанным политруком бригады.

...Степные раздольные Залари. Там до сих пор помнят яркий и волнующий спектакль — «Оптимистическую трагедию». Его поставил

с местной интеллигенцией Петр Иванович Лавров.

Жигалово, Кутулик и Нижнеудинск, Тайшет и Братск — всюду, где гастролировали эти годы тюзовцы, — оставались следы не только их спектаклей, но доброй работы Лаврова, отовсюду шли по его следам письма, в которых просили совета, делились планами и творческой радостью новые его друзья. Среди них самые дорогие и близкие сердцу — дети. Те, кому служит его театр, кому уже много лет он отдает свое искусство. Что такое труд актера, в чем его радость и сложность, в чем цель и поиск — десятки вопросов больших и малых, трудных и наивных задают на многочисленных встречах в школах неутомимые слушатели. Доверчивые малыши и солидные старшеклассники одинаково самозабвенно слушают интересного гостя, забрасывают вопросами, тормозят и не отпускают от себя. Столь же давние прочные связи тянутся и в воинские подразделения. Недаром министр обороны Малюновский награждал его, председателя Иркутской областной комиссии культурного шефства над воинами, памятной медалью.

— Вы не представляете, какая это интересная работа, — зажмурив от удовольствия глаза и покачивая головой, говорит Петр Иванович. — Мы обслуживаем воинские подразделения спектаклями, концертами, встречами с артистами. Каждому театру надо в году дать по три шефских спектакля, а мы делаем вдвое больше. И какие там люди!

...В дом отдыха Петр Иванович все-таки поехал: заставили врачи. Правда, они вряд ли надеялись, что прописанный ими «полный и абсолютный покой», будет выполнен. И не ошиблись. Едва Петр Иванович появился в Мальте, как зачастили к нему гости из самостоятельности.

— Не откажите!

Его ли просить о том, что составляет немалую и радостную часть жизни?

— Не откажу! — ответил Лавров и поспешил на очередную встречу.

Жаль, что не были на этой встрече врачи: они бы поняли, что лечат не только лекарства и абсолютный покой. Лечит любимое дело. Оно утверждает в мысли: ты нужен людям. И это окрыляет, придает силу, зовет вперед.

И. ДУБОВЦЕВА.

Творческий портрет